

Книга I

На пороге

*Солдатами не рождаются.
Если Родина в опасности,
солдатами становятся.*

К. Симонов

Гарбузёнок

Тысячи лет назад тающий ледник изрезал сотнями оврагов Среднерусскую возвышенность. Один из оврагов возник между двумя неприметными холмами на её юго-западе.

На холмах выросло село Бубново. Древний овраг стал южной окраиной, на его обрывистых краях появилась улица, основанная Добрыниными. Даже в самые сильные ветра и бури над домами, зажатые меж холмами, стояло безветрие, как в речной тихой заводи. Сельчане так и называли окраину – «Заводы».

Род Добрыниных уходил корнями к временам былинных сказаний о Добрыне Никитиче и Илье Муромце. Левая, нечётная сторона улицы со временем стала прадедовской – Сергея Даниловича, а правая – младшей, дедовской, Ивана Сергеевича.

Дедовский дом был кирпичным, на высоком каменном фундаменте, с русской печкой. К дому примыкали резные двухстворчатые деревянные ворота и калитка. Ставни и наличники украшала искусная резьба с бело-васильковым орнаментом. Каждую весну в палисаднике развешивали кудрявые чубы кусты сирени и акации.

За двором, на склоне холма, разросся фруктовый сад. На самом гребне, защищая дом и сад от северных зябких ветров, стояла берёзовая роща. Вершину безобразили неровными шрамами окопы,

оставшиеся с Великой Отечественной войны. Холм от соседней горки отделял заболоченный лог.

От дедовского дома, меж замшелыми, покрытыми зеленоватой корой, старчески скрюченными плакучими ивами, по крутому восьмиметровому спуску в овраг пролегла тропинка. На дне оврага тропинка упиралась в колодезь с журавлём, срубленным прадедом ещё в тридцатых годах. Вода родника считалась целебной. Пившие эту живую воду люди и животные не хворали. Мочёные в рассоле из родниковой воды яблоки и груши хранились в дубовых бочках годами.

За колодцем тропка змейкой поднималась к дому прадеда с садом и пасекой. Всего в одной версте южнее, на широком поле привольно раскинулось соседнее село – Малое Городище, в шестнадцатом веке бывшее заставой.

Младший Добрынин – Валерка – появился на свет в родовом гнезде. Внук не знал дедов со стороны родителей: оба умерли после войны, до его рождения. Но то, что осталось от них, наполняло и окружало дом и с первых мгновений жизни питало мальчишку и жило в нём.

Папа Валерки, Николай Иванович Добрынин, мужчина видный, уродился в своего отца – Ивана Сергеевича: среднего роста, коренастый, с таким же, как у бати, прямым носом, горящими карими глазами с хитринкой и кудрявым казацким чубом. Николай, несмотря на крутой нрав, обладал чувствительной, ранимой душой и всячески старался скрыть слабость (как он считал) за бронёй суровости.

После службы в армии Николай вернулся в родное село и вскоре женился на Гале Лукьяновой из соседнего Малого Городища, которая терпеливо ждала его два года.

Валеркина мама, миниатюрная женщина с выразительными карими глазами, длинными ресницами и слегка припухлыми чувственными губами, до рождения сына успела окончить Белгородский институт культуры и искусств.

Как только родился наследник, Николай велел жене собираться в дорогу. Галина поехала за мужем в дикую тайгу, осваивать первое в Сибири Пунгинское месторождение газа.

Это только в песнях звучит романтично: поехать «за туманом и за запахом тайги». На самом деле их ожидал необустроенный быт в вагончиках, вселяющий в душу ужас ночной вой волчьих стай, обжигающие шестидесятиградусные морозы, от которых лопаются железные брусья на бульдозерах и как нитки рвутся стальные тросы экскаваторов, многодневные вьюги, сбивающие с ног, заметающие вагончики по самые крыши.

А летом? Летом – изнуряющая духота, насыщенная болотными испарениями, гнус, комары и мошка, роящаяся над людьми чёрным, зловеще гудящим и качающимся столбом, привозная вода, даже после очистки пахнущая болотом. И хозяева тайги – медведи, не желающие уступать людям свои земли.

Галина – хрупкая женщина, даже не поморщив курносый нос, под каре остригла волосы, чтобы не мучиться с мытьём и укладкой, забыла о платьях и туфлях и окунулась в работу.

Через три года строительно-монтажный участок по зимнику, через сибирские болота, тайгу и замёрзшую широченную Обь, перетасил свои вагончики на новое место. В глухой тайге, рядом с посёлком Перегрёбное, обустроили вагон-городок и приступили к строительству компрессорной станции. Николай стал бригадиром одной из лучших в тресте бригад, а Галина – директором Дома культуры.

Валерка рос любопытным, шаловливым и самостоятельным. Летом семьдесят шестого года Добрынины приехали в отпуск на малую родину. Там Гарбузёнок, как прозвали Валерку сельчане за невысокий рост и упитанность, выкинул первое коленце. В четыре годика попытался восстановить справедливость. Как же так? Природа распорядилась неправильно: утята умеют плавать, а цыплята нет! Стал учить птенцов плавать и с детской безжалостностью утопил в тазике весь цыплячий выводок.

Следующий переполох Валерка устроил через неделю. Собрал возвышующуюся в песочной куче ребятню и, не предупредив старших, повёл на меловую гору искать «чёртовы пальцы» – окаменевшие морские моллюски, так похожие на человеческие пальцы с розоватыми ноготками.

– А зачем нам эти «чёртовы пальцы»? И страшно: а вдруг из горы черти полезут отымать свои пальцы? – робея, пролепетал братик – Серёжка Усков.

– Тю... Никак ты испужался? Та и не брешь, чертей нет, это всё бабушкины враки, – уверенно ответил Валерка, а у самого по спине пробежали мурашки. – «Пальцы» нам очень нужны. Ежели их ножичком поскоблить, порошок получается. Сыпешь в царапину – за день заживает. Сам видел, Андрейка так делал.

– И не больно? – спросил Виталька.

– Ни капли! – Валерка в подтверждение словам мотнул головой из стороны в сторону. – И щипучей зелёной не надо мазать.

Ребятня до вечера увлечённо копошилась в древних камнях, выискивая «чёртовы пальчики».

Мальчишек хватились ближе к вечеру.

За меловой горой были запруда и луг с сочными травами. С утра, перед самой жарой, ребята постарше и старички выгоняли туда скот. А перед закатом водили в ночное гнедых стремительных орловских рысаков и серых в яблоках медлительных воронежских тяжеловозов. Пастухи, перегонявшие животину, и обнаружили ребят.

Неслухов пригрозили выпороть крапивой. Валерка среагировал на угрозу молниеносно. Ускользнув со двора, огородами пробрался до Усковых и, подбив Серёжку, снова собрал ребятню.

– Если постегать друг друга крапивой, то потом привыкнешь, и не жгуче будет. Пусть порют, а нам – трава не расти.

– А давай! – согласились мальчишки.

На задворках нарвали крапивы и отстегали друг друга. Вернулись по домам обожжённые, все в волдырях, ревя и размазывая сопли. Взрослые, узнав о «самонаказании», долго смеялись и пороть сопляков не стали.

Следующая серьёзная шалость случилась в пять лет в Перегрёбном. Гарбузёнок, посмотрев телепередачу о пользе закалывания организма, решил действовать. Выработывая волю, вышел в одних трусиках из вагончика в сорокаградусный мороз и растёрся снегом. В результате «закалки» тела и характера заработал двустороннюю пневмонию. И, по рекомендации врачей, был отправлен восстанавливать здоровье на Большую землю, к бабушкам.

Целый год Гарбузёнок выздоравливал под присмотром прадеда и бабушек, но непоседливый характер не давал покоя. Сорванец иногда ускользал от надзора.

Из желания сделать первое сентября красивой, Валерка выкрасил цветы на школьных клумбах краской и известью, которую стащил на сельском складе, устроенном в церкви. У директора школы чуть не случился инфаркт.

На цветах неумный заводила не остановился... Организовал ватагу, и ведомые младшим Добрыниным сорванцы собрали на всей улице яйца из курятников. Устроил сражение в старых, полузасыпанных окопах: целый день мальчишки швыряли друг в друга яичные «гранаты», стрекоча палками-автоматами, а девчонки перевязывали «раненых», испачканных желтками. На неделю Заводы остались без яиц!

Однажды ребята постарше играли в войну. Пятилетнюю мелкоту в игру не взяли, прогнали. Восьмилетний Сашка, по-взрослому кивнув бело-брысой головой, распорядился:

– А ну, дрисгнули отсюда!

– Ага, испужал! Мы тоже хотим поиграть... – возмутился Валерка, но его потянул за рукав братишка Серёжка.

– Ну их, жадюг! Всё равно не возьмут. Мы лучше сами.

– Шуруйте отсель, в пекаря поиграйте. И не вздумайте жалиться! Вообще с вами знаться не будем, – сказал девятилетний Андрейка, пригрозив на всякий случай кулаком.

Обиженные отказом, Серёжка и Валерка ушли на свою Заводь собирать команду.

Старшие играли в окопах. Стенка полуразрушенного блиндажа, сотни раз обследованного ребятами, осыпалась, обнажив кладку. К ногам мальчишек выкатились ржавые патроны, граната и пара четырёхпёрых, совсем игрушечных миномётных мин. Двадцатисантиметровые чугунные веретёна, облепленные землёй, глухо стукнулись друг о друга и зловеще замерли.

Саня с Андрейкой вынесли из блиндажа опасные находки, о чём-то посоветовались, подошли к телеграфному столбу. Андрейка захотел отбить рыжие от ржавчины комья земли. Стукнул по столбу раз, другой, третий – чуть сильнее...

Взрыв разорвал его пополам. Стоявший рядом Сашка пробежал с пяток метров, разматывая за собой выпавшие кишки, и упал, уткнувшись лицом в голубые васильки. Окровавленные пальцы судорожно рвали нежные цветки, пока его не затрясло смертным ознобом. Через несколько мгновений он затих.

Ребят хоронили всем селом.

Андрейка и Санька погибли не первыми и не последними. Война, даже спустя десятилетия, продолжала калечить и убивать не разбирая, взрослый или малец. То ребятня отроет в окопах очередной «сюрприз», то под плугом рванёт ушедший на глубину снаряд. Земля, как живое существо, каждый год выталакивала из своей плоти чужеродное, несущее смерть железо, напоминая о лихолетье Великой войны.

В июле 1943 года, в самый разгар Курской битвы, с запада к селу, на горку за дедовским домом, вышли немецкие танки. Но отборные эсэсовские части не смогли здесь прорваться и повернули на север, к Прохоровке и Старому Осколу. На горке выросло множество берёзовых крестов с аккуратными готическими буквами. После войны захоронение вражеских солдат перенесли. С тех времён сельчане стали называть горку немецкой.

Где-то на склонах этой горки летом сорок третьего года, не дойдя до семейного очага пару сотен метров, подорвался на немецкой мине-лягушке прадед, Сергей Данилович. Ещё дальше на север, километрах в сорока, в те же дни в жестоком тан-

ковом сражении сложили свои головы два Валеркиных дяди. Нецелованные восемнадцатилетние мальчишки – братья Кирсановы – упокоились в братской могиле на Прохоровском поле.

После прадедовских рассказов и трагедии в окопах Валерка «заболел» недетской «минной болезнью». Решил стать сапёром, чтобы раз и навсегда очистить родную землю от снарядов и мин.

От греха и от окопов подалеже прадед отправил правнука в соседнее Малое Городище к бабушке Шуры.

Дворовому псу, жившему в конуре и охранявшему погреб бабушки Шуры, Валерка чем-то не понравился. Кобель постоянно скалился и лаял на мальчугана. Привыкший к ласковым сибирским лайкам, Валерка не понимал, почему собака его невзлюбила. Добром и разными лакомствами подружиться с дворнягой не удалось. В один из летних дней он задумал одолеть, сломить пса силой. Валера сделал розгу из побега орешника и начал стегать упругим прутом кобеля. Разъярённый пёс метался на цепи, сипло лаял, разбрызгивая из пасти пену, пока не оборвал цепь. Мальчишка попытался залезть на яблоню, но собака догнала его.

Двоюродная сестра первой увидела ужасную картину. Собака, ухватив за руку, таскала по земле тело ребёнка. Наташа закричала, призывая на помощь. Из дома выскочил её родной брат. Не похожий на одиннадцатилетнего мальчика, маленького роста, Юра не растерялся, схватил пса, с трудом разжал ему пасть. Наташа кое-как оттащила бешующую собаку.

Увидев белеющую в ране кость и бьющую из разорванной плоти алую тугую струю крови, Юра побледнел. Руками передал тонкое предплечье брата выше раны. Крикнул сестре через плечо:

– Собаку в погреб закрой и беги к фельдшеру.

– Я сейчас, я мигом... – сквозь слёзы, почти беззвучно произнесла девчонка.

На дверях медпункта висел амбарный замок – фельдшер куда-то уехал. Наташа молнией метнулась в школу. Прибежала бабушка, перетянула руку жгутом, подхватила внука и побежала к сельсовету. Случайно подвернулся грузовик. Водитель, не говоря ни слова, развернул машину и погнал в райцентр.

В кабине Валера пришёл в себя и через минуту снова впал в беспамятство. Боль, холод и темнота сменились мягким, успокаивающим, зовущим светом. Его обволакивал пуховой периной покой. Тело в невесомости парило. Прорываясь сквозь тёплую вату убаюкивающей тишины, откуда-то с неба донёсся знакомый голос.

– Внучек, не умирай. Валерочка, открой глазки.

Он слышал бабушкин дрожащий голос. Ему казалось, что он шептал в ответ:

– Я не умираю, баба Шура. Я просто хочу спать.

Но губы безмолвно вздрагивали от толчков на рытвинах.

Водитель гнал машину по полевой дороге на максимальной скорости. Подпрыгивая на ухабах, грузовик поднимал за собой густой шлейф пыли. Александра Филипповна, прижав внука к груди, шептала молитвы, тревожно вглядываясь в небо. Навстречу шла гроза, накрывая непроглядной мгlistой стеной появившиеся на горизонте белые домики Нового Оскола.

Успели. Врачи сотворили чудо. Спасли жизнь мальчишке и сохранили руку.

Приглашённый из соседнего села охотник застрелил собаку.

Через две недели Валерка носился по больничному двору с перебинтованной и уложенной в косынку рукой, изображая раненого командира. Самозабвенно поднимал в атаку ватагу выздоравливающей детворы. Штурмовал заборы так, что повторно зашивали распорзшиеся швы, и снова лазил по деревьям, не обращая внимания на боль. Командир – он и в Африке командир, даже если раненый.

Гарбузёнок подрастал. Вместе с ним росли размеры и последствия шалостей.

В Перегрёбном, играя спичками, он спалил баню крёстной мамы, к тому же родной тётки. Делал гранаты из карбида. Гвоздиком открывал замки отцовского чемодана. Потихоньку таскал из него порох, патроны и ладил самострелы.

Мама с утра до вечера пропадала в Доме культуры. В таёжном посёлке организовала хор и самодеятельный театр. Для детей давал представления созданный её стараниями кукольный театр. На сына времени оставалось совсем мало.

Отец подменял заболевшего экскаваторщика и работал за двоих. Бригада давала квартальный план. Папа уходил на работу, когда сын ещё спал, а возвращался поздно. Валерка видел отца только в короткие обеденные перерывы.

В конце концов возненавидел работу отца. Стянул взрывчатку у пожарных, тушивших взрывным способом пожар на компрессорной станции, и решил провести диверсию: взорвать ненавистный экскаватор. По наивности детской думал: если не будет этой машины – папа станет приходить домой раньше.

Дождавшись обеда, Валерка разжёл костёр под экскаватором. Сначала бросил в огонь пакет с патронами. Засёк, через сколько секунд взорвутся. Предусмотрительно обмотал «кишку» аммонита бумагой и тряпками, чтоб сразу не рвануло, сунул в огонь адский брикет. Отбежал за камни и...

Неожиданно у экскаватора появился отец. Увидел под машиной огонь, непонятный свёрток и, мгновенно сообразив, выхватил из огня «сюрприз». Отбросил горящий брикет в сторону, забросал его песком.

Валерка был жестоко наказан. Отец сначала выпорол его парадным офицерским ремнём с овальной металлической бляхой.

– Па-поч-ка, я боль-ше не бу-ду! – глотая слёзы, всхлипывая на каждом слоге, обещал сын.

– Я тебе сколько раз говорил: не балуй! – ярился отец.

– Честное пионерское, не буду! – клялся шалопай.

– Ты ещё не пионер.

– Честное слово октябрятское-е-е-е! – ревел белугой Валерка.

– Теперь будешь думать, прежде чем что-нибудь сотворить.

Затем «диверсант» три часа простоял на коленях на смеси крупной соли и дроблёного гороха. После наказания Валерка долго выковыривал из кожи на коленках крупинки, а на ягодицах несколько дней темнели отпечатки металлической бляхи.

Наказание ничему не научило. Через неделю он был пойман с патронами и порохом, за что первый и последний раз в жизни его порола мама, да не ремнём, а самой настоящей скакалкой! Красные рубцы долго заживали на попе, отчего проказник несколько дней не садился на стул и даже ел стоя.

Первого сентября Валерку отвели в первый класс. Он оказался самым младшим. От диверсий его отвлекла детская привязанность – близняшки сестрёнки Михеевы, одноклассницы. С Маринкой и Оксанкой он поочерёдно «играл свадьбу», чтобы обоим было не обидно. Через два месяца их отец получил назначение на новую должность в главке. Сборы не заняли много времени. Сестрёнки, расставаясь с «женихом», ревели в голос. Валерка пообещал прийти на вертолётную площадку проводить, но мама закрыла его в вагончике.

– Я ведь обещал проводить. Они ждать будут! – кричал он через дверь.

– Мне некогда с тобой ходить, я концерт готовлю, и меня люди ждут. Сиди дома! – отрезала мама.

Валерка метался по тесному вагончику в поисках выхода. Наконец сообразил. Поднял фрамугу окна, попытался вылезти через узкий проём, но голова застряла. Кое-как высвободился, сел у окна. Прижавшись лбом к холодному стеклу, долго смотрел на тёмную стену дремучей тайги. Тоска расплывалась в груди тягучей трясинной. На каждом выдохе окно мутнело от влажного дыхания, он протирал его ладонью. Решение пришло внезапно. Валерка вытащил из-под кровати ящик с инструментами, схватил молоток и с размаху саданул по стеклу. Вынул из рамы острые осколки, вылез.

Он бежал к вертолётной площадке напрямую, через лес, спотыкаясь о корни и валежник. Уже был виден просвет среди деревьев, когда услышал взревшие турбины вертолёта. Валерка выбежал на край площадки. МИ-8 уже оторвался от бетонных плит. Стена пыли, песка и мелких веток ударила в лицо. Воздушный поток от вертолётных винтов толкал назад, в лес, а он, пересиливая напор, наклонившись вперёд, грудью пробивал упругий воздух. Махал вертолёту и пытался кричать. В распахнутый в крике рот попадал песок. Он не отворачивался,

отплевываясь, пальмо выкрикивал, что успел, что сдержал слово. Глаза резала попавшая пыль. Сквозь выдавленные песчинками и ветром слёзы сумел разглядеть приникших к стёклам иллюминаторов Маринку и Оксанку. Сестры махали в ответ. Ему стало немного легче.

Девчонки уехали, и Гарбузёнок затосковал. Чтобы сын не продолжил чудить, мама после школы стала забирать его в клуб. На какое-то время закулисная жизнь, самодеятельный театр, концерты и кино увлекли мальчишку.

Осенью, в конце навигации семьдесят девятого года, отец с другом – перегрёбинским участковым, пошёл за пивом на теплоход «Генерал Карбышев». Сын увязался за ними.

Подошли к судну в разгар торговли. Двухпалубный белоснежный лайнер, прислонившись к дебаркадеру, лениво покачивался на речной волне, поскрипывая канатами. Красавица Обь на всю трёхкилометровую ширину искрилась под переливчатыми солнечными лучами. Халеи – речные чайки – парили над рекой, переговаривались скрипучими голосами, выискивали рыбёшку.

На палубе десятки мужчин, шумя и толкаясь, пытались скорей пробраться к буфету. Речники продавали пиво, накручивая немалые проценты. Но даже тройная цена не уменьшила спрос. Пиво заканчивалось. Давка усилилась. Толпа возмущённо орала на речников, те ограничили продажу двумя бутылками на нос.

Отец наказал сыну сидеть на берегу и никуда не отлучаться. Валерка побоялся послушаться. Сидел на скамейке и с высокого яра любовался пассажирским теплоходом. Над обрывистым берегом, потревоженные громкими криками, стремительно носились юркие стрижи.

Участковый, отслуживший срочную службу в десанте двадцатипятилетний парень, начал наводить порядок, чтобы в толпе не передавили друг друга. Николай помогал товарищу.

– Боцмана к трапу! – зычно крикнул участковый. – Коля, ты с дебаркадера на трап не пускай никого, я на борт поднимусь.

– Добро! – откликнулся Добрынин и преградил коренастой фигурой проход. – Стоять всем!

– Я боцман. Кто звал? – появился через минуту речник.

– Боцман, бери на себя порядок на трапах, а мы – в буфет, – скомандовал участковый.

Втроём за пару минут прекратили давку на дебаркадере и судовом трапе. Стали пробираться к буфету. В этот момент их чуть не затоптала отхлынувшая толпа. Какой-то пьяный мужик, угрожая двуствольным ружьём, полез напролом. Участковый преградил дорогу.

Выстрел прогремел неожиданно громко. Участкового резко откинуло назад, словно он наткнулся на преграду и кто-то невидимый и огромный толкнул его. Отлитая на медведя пуля пробила грудь, про-

шла сквозь горячее сердце, ударила в кость, вырвала лопатку. Свинцовый восемнадцатимиллиметровый шар, разбрасывая раздробленные кости и кровавые брызги, ударился в стальную переборку, смявшись свинцовым пятакон, шлёпнулся на палубу и завертелся юлой. Рядом, заломив руку под голову, осел милиционер. Он, словно уставший от долгой дороги путник, прилёг на минутку отдохнуть. Небесной глубины глаза удивлённо смотрели на вращающийся волчок.

Владимир умер мгновенно. На секунду всё замерло, даже птицы перестали кричать.

Валеркино сердце в страхе за отца сжалось. Он вскочил. Замер на краю обрыва, прижав к губам стиснутые в единый кулак руки.

Николай использовал заминку. Он владел приёмами боевого самбо и поэтому хладнокровно ринулся на убийцу. Второй выстрел мужик сделать успел, но только слегка зацепил Николая. Жакап, оцарапав руку, ушёл в небо, распугав чаек. Николай скрутил преступника...

Спустя месяц Николая Добрынина пригласили работать в милицию. Он пошёл служить участковым вместо погибшего друга.

Во время зимних каникул Добрынины переехали в райцентр – посёлок Октябрьское. Мама стала директором районного Дома культуры, а папу, получившего повышение в чине, перевели служить в райотдел. Валера продолжал участвовать в самодеятельности. А ещё, по настоянию родителей, пошёл учиться в музыкальную школу по классу баяна.

В летние каникулы, чтобы не беспризорничал, отец устроил сына в Обь-Иртышское пароходство. Два года в летнюю навигацию Валерка ходил юнгой на катере военного проекта «Ярославец» от Ханты-Мансийска до самого Обдорска – Салехарда. Поначалу было трудно, мучила морская болезнь. Валерка во время шторма либо «травил» за борт всё, что было съедено, либо лежал полудохлой морской звездой на палубе.

Салаге доверяли только приборку. Валерка драил гальюн, натирал до зеркального блеска позеленевшие от влаги бронзовые и медные детали и с остервенением елозил шваброй (на морском жаргоне – «машкой») по металлической палубе. Привыкал понемногу. Постепенно изучал морскую науку и к концу первой навигации, засучив рукава великоватой тельняшки, широко расставив ноги, гордо стоял за штурвалом. В редкие минуты отдыха между вахтами играл на баяне, развлекая команду.

В тринадцать лет Валера неожиданно вытянулся сантиметров на двадцать, догнав в росте отца. Из невысокого пухлого мальчугана превратился в юношу, сложенного не по годам. Как две капли воды походил на бату в юности, только мамин курносый нос отличал от отца.

Неожиданно в нём снова проснулась «минная болезнь». В поступках Валера стал осторожным и

скрытым, но иногда всё же шёл на риск. Делал и испытывал взрывчатку в тайге, понемногу вынося реактивы из школьной химической лаборатории, где занимался в кружке. Денег не хватало на книги и реактивы. Поэтому однажды он встал на скользкую дорогу – украл последние сорок рублей у подружки матери. Нет, ему не надо было вскрывать двери и сейфы: просто взял ключ под ковриком у порога квартиры – и всё. Деньги лежали в прихожей на трюмо.

Тётя Марина рыдала, размазывая тушь по щекам. Мама выручила подругу. Валеркина совесть проснулась, он вернулся к тайнику, где спрятал деньги, но кто-то нашёл их до него. Схрон оказался пустым.

Через месяц он с другом среди бела дня украл в хозяйственном магазине удобрение – аммиачную селитру, так необходимую для изготовления взрывчатки. Грузчик, заносивший товар, видел мальчишку выходящим из магазина. Пропажи ещё не хватились, но сообразив, что в небольшом посёлке рано или поздно его опознают, Валерка вернулся в магазин и сдался, возвратив украденное. Одноклассника не выдал. Взрослые не стали доводить дело до милиции, рассудив по-своему. Учитывая осознанное раскаяние, провели воспитательную беседу и отпустили. Слава богу, что об этом не узнал отец.

Валерка дал себе клятву больше не воровать и вообще не брать чужого без спроса.

Взросление

Летом семьдесят пятого года случилась беда. В Доме культуры делали капитальный ремонт. Галина Фёдоровна решила лично посмотреть, как строители латают вечно текущую крышу. Плохо закреплённые подмости сместились. Она упала с высоты третьего этажа.

Сына три месяца не пускали в больницу. Когда Валерка увидел маму, она даже не обрадовалась, посмотрела на него как на постороннего.

– Галиночка, ты узнаёшь, кто к тебе пришёл? – спросил Николай, подталкивая вдруг оробевшего сына.

– Да, узнаю, – она сосредоточенно посмотрела на Валеру, словно что-то вспоминая, с трудом приподняла голову и произнесла бесцветным голосом:

– Это... это сын.

Невидимый многопудовый молот ударил в солнечное сплетение, дыхание осеклось. Он пошатнулся. Сердце вспухло, рванулось из груди, но острая боль заставила его сжаться и забиться часто-часто. Кровь горячей волной окатила голову. Слезы мутной пеленой затуманили глаза. «Мамочка, мамочка, что с тобой?» – чуть не выкрикнул он.

Отец сжал его плечо. Всем своим ещё ребячьим существом ощутил не произнесённые вслух слова отца: «Держись, сын, былое уже не вернёшь».

С той минуты мама ни разу не назвала его сыном, не окликнула по имени, не взъерошила волнистый чуб. Разговаривая с другими о сыне, даже при нём, называла его чужим «он».

Как дальше жить?

Год мама провела в больнице.

Все заботы по дому легли на плечи парня. Помимо учёбы и занятий в секциях, надо было вести хозяйство: готовить гостинцы маме, колоть дрова и топить печь, за полкилометра с водокачки возить воду, готовить еду себе и отцу, кормить собаку, чистить от снега дорожки во дворе и ещё делать много чего, так необходимого для жизни.

Парню исполнилось четырнадцать. В мае из всего класса приняли в комсомол только пятерых. Четыре одноклассницы и он получили заветный комсомольский билет. Валера оставил свои диверсионные опыты.

Спасением в это тяжкое тягучее время стала дружба с девушкой, которая постепенно переросла в чистое и светлое чувство, побуждающее молодое сердце творить светлое и доброе, совершать подвиги. Валера признался в любви однокласснице. Ей, одной из самых красивых девчонок, избалованной вниманием, льстило внимание ещё одного ухажёра, она не отвергла его сразу. Добрынин стал заниматься боксом. Надо же уметь защитить девушку!

Лена участвовала в хоре, играла в театре юного зрителя. Он пел солистом в этом же хоре и служил в одной труппе с ней. Режиссёр с хищной фамилией Акулова на всю катушку использовала любовь парня. Назначала Лену и Валеру на главные роли, где по сценарию персонажи испытывали нежные чувства друг к другу. Валера старался быть всегда рядом, окружить заботой и вниманием любимую. Но жутко робел, разговаривая с девушкой. Его лихорадочно трясло, когда прикасался к ней. Голос срывался в самые неподходящие моменты. Так продолжалось четыре месяца. Для одноклассников его хрупкое чувство стало секретом Полишинеля.

Во время генеральной репетиции (при всей труппе) Лена отрезала:

– Что ты приклеился ко мне как банный лист? Надоел. И ты ко всему прочему не модный. Отвали!

Это был жестокий удар, нанесённый прямо в сердце. Он мог всё понять, насильно мил не будешь, но вот так, при всех?

Половина школы шепталась за спиной. Классный руководитель, Галина Вячеславовна, решила поддержать юношу. Выбрав момент, когда он в задумчивости брёл из школы не глядя по сторонам, низко опустив голову, догнала его.

– Валера, я понимаю, как тебе тяжело сейчас. Но ты крепись, ты выдержишь, я знаю. Ты мужчина! Посмотри внимательно: сколько вокруг других девушек.

Галина Вячеславовна видела то, что не замечал он. В него безответно была влюблена другая девчонка, тоже одноклассница. Отличница, скромная,

наделённая от природы мягкими чертами лица, спокойным нравом и душевным очарованием, которые с возрастом создают неповторимое обаяние и силу, свойственные только русским женщинам.

– Мне не нужны другие.

Валера отвернулся, пытаясь скрыть внезапно навернувшиеся слёзы. Отвыкшее от материнской ласки мальчишечье сердце вдруг воспротивилось неродной женской заботе.

– Оглянись, есть девчонки лучше Лены.

– Мне не надо лучше! – упрямылся Добрынин.

Как часто бывает: влюблённые не замечают недостатков любимого человека, боготворят и превозносят только хорошие качества. Оглушённый неожиданной жестокостью, Добрынин вообще ничего не замечал: ни плохого в любимой девушке, ни хорошего в других.

– Пойми, только бессердечный человек, не умеющий ценить заботу и внимание, может так поступить. Она никогда не полюбит по-настоящему. Время пройдёт – ты поймёшь это. Прошу: глупостей сейчас не наделяй, – переживая, попросила учительница.

– Не дождётесь! – резко ответил он, защищаясь неумелой грубостью, и свернул с дорожки.

Она тревожно смотрела вслед. Одна-единственная мысль терзала: только бы парень в отчаянии не натворил беды.

Валера нашёл силы отыграть спектакль. После премьеры ушёл из театра и хора. Бросил занятия в музыкальной школе. Вернул в клуб ставший вдруг ненужным баян. Отнёс физруку пудовую гирию, взамен взял полуторпудовую. Нёс тяжёлую железку на руках целых два километра в школу и обратно. Загрузил себя боксом, лыжами и подготовкой к осуществлению мечты – поступлению в военное училище. Обложился книгами. Валера понимал: нужно занять себя. Занять до такой степени, чтобы не осталось ни одной свободной минуты на мысли о Лене.

Добрынин довёл себя до изнурения. На тренировке в спарринге от злости несколько раз пробил защиту тренера и, потеряв контроль над собой, пропустил чистый хук правой. Тренер не рассчитал удар.

Тампон с нашатырным спиртом привёл в чувство не сразу. Серая пелена долго висела перед глазами. В голове шумел морской прибой. Последствия пропущенного удара скажутся не мгновенно. Зрение за три года постепенно ухудшится до рокового значения минус четыре диоптрии. Юноши, имеющие зрение ниже минус трёх, признавались не годными не только к поступлению в военные училища СССР, они получали белый билет с записью: «не годен к строевой службе». С такими парнями девчонки даже под руки не гуляли, считали ущербными.

Учитывая сложное семейное положение, Добрыниным дали квартиру в новом двухэтажном брусковом доме.

Отец уехал в очередную командировку на несколько дней и должен был вскоре вернуться. Мама опять лежала в больнице. Валера пришёл с ежедневной тренировки вымотанным до предела. Поставил кастрюлю с молоком на газовую плиту. Торопясь, не дожидаясь, пока закипит молоко, насыпал макароны, зажёл огонь. Набрал полведра воды отстаиваться для чайника. Заскочил на минуту в комнату. Скинул олимпийку, стянул к коленям брюки, присел на кровать и... уснул.

Проснулся от кашля. По всей квартире летали хлопья сажи, забивая ноздри и рот, попадали в глаза. Угарный газ душил, вызывал рвоту, спазмами сдавливал горло. На вдохе лёгкие пробивала острая боль. Валера вскочил с кровати. Неснятые брюки спутали ноги. Он не удержался, упал.

«Что случилось? Неужели пожар, что же делать? – лихорадочно роились мысли. – Задохнусь ведь! Надо тряпку».

Рванул дверь шкафа на себя. Выпрошенный когда-то у капитана судна противогаз слетел с полки и с глухим стуком упал перед лицом.

Тренированным движением Валера натянул маску противогаса, выдернул из коробки фильтра резиновую заглушку, скинул брюки. Побежал, шатаясь, на кухню.

У раскалённой до малинового цвета кастрюли отвалились ручки. Выгоревшее молоко висело над кастрюлей тонким чёрным куполом. Пластмассовый ковшик, висевший рядом с плиткой, смолистой каплей стекал по стене. Валера закрыл газовый кран. Рывком распахнул форточку. Обмакнул полотенце в ведро с водой, обмотал руку. Схватил кастрюлю и бросил в форточку. Она упала в сугроб, с треском и змеиным шипением окуталась паром.

Из последних сил он открыл двери, вышел из подъезда. Сорвал противогаз. Голова закружилась. Возникшая в ногах слабость поползла от коленей к животу. Валера судорожно глотнул морозного воздуха и, потеряв сознание, ничком упал в сугроб.

Очнулся от холода. Лицо и пальцы одеревенели. В отравленной углекислым газом голове лениво шевельнулась мысль: «Обморозился. В тепло сразу нельзя – некроз тканей». Непослушными руками нагрёл снег и стал растирать обмороженные участки. Боль колючими иглами пронзила лицо и руки. Наручные часы, подаренные отцом, показывали без четверти полночь.

Раньше срока вернулся отец.

– Сынок! Ты что делаешь раздетый на улице? Что случилось?

– Пап, я уснул. Кастрюля раскалилась. Проветриваю квартиру.

Отец подошёл к сыну, заглянул в глаза, красные от лопнувших кровеносных сосудов. Глубоко и тяжело вздохнул. Погладил по голове.

– Пойдём домой, сын. Ты обморозился. Лечить-ся будем.

Больше отец не проронил ни слова.

Через тернии

Добрынины переехали в Тюмень накануне тысячи девятьсот восемьдесят седьмого года.

В новой школе на Валеру положила глаз девушка. Она тоже нравилась ему. Наталья пригласила одноклассника в гости один раз, другой. В тот день они отмечали день рождения ровесника. Кто-то опрокинул стакан с морсом, и Валера вызвался принести салфетки.

На кухне Наталья целовалась с другим парнем. Они заметили вошедшего Добрынина, но при этом не отпрянули друг от друга, только прервали поцелуй и, улыбаясь, посмотрели на него. Валера смутился, густо покраснел и пробормотал несвязно:

– Извините. Там морс. Тряпка нужна.

Наташа протянула руку к мойке, сдёрнула с держателя полотенце и подала Валере. Он машинально шагнул навстречу и неожиданно для самого себя без обиняков спросил:

– Наташа, я-то тебе зачем?

– Я женщина! Я выбираю, – ответила она и кокетливо повела плечиками.

Валера увидел в её глазах озорные огоньки и понял: он для неё не больше, чем игрушка.

«Да хрен с тобой, выбирай, играйся. Только с собой поступать так я не позволю», – подумал Добрынин, развернулся и молча ушёл.

Для себя сделал вывод: ему стало не интересно учиться в этой школе. Юноша вырос.

Закончив восемь классов, рассудил здраво, что стипендия и профессия не помешают, и поступил в техникум. Почти одновременно его зачислили в юношескую военно-патриотическую школу имени генерала Карбышева при военном училище. Студенческая жизнь и военная подготовка увлекли. Уже осенью Валеру избрали в комитет комсомола техникума.

В спортивном обществе Добрынина в секцию бокса не приняли из-за последствий травмы. Запретили врачи, объяснив: ещё один такой случай или большие физические нагрузки – и он лишится зрения. Взамен посоветовали заниматься лёгкими видами спорта, например, шахматами.

В техникуме преподаватель физкультуры разглядел в нём задатки лыжника. Добрынин промолчал о запрете врачей и в первую студенческую зиму выступал на областных соревнованиях, показав неплохие результаты на дистанции в десять километров. Учился без троек. Летом работал комиссаром студенческого стройотряда, где его приметил горком комсомола.

На втором курсе Добрынина попросили временно заменить ушедшую в декретный отпуск секретаря комитета комсомола. До конца учебного года он руководил комсомольской организацией техникума.

Преподаватель начальной военной подготовки страдал язвой. С согласия директора Добрынин иногда подменял его, проводил занятия с первым

курсом. На одном из таких занятий Валера пригласил первокурсницу. Девушка понравилась, но целых полгода он не решался подойти и предложить дружбу, боялся отказа.

В мае восемьдесят девятого года Добрынин с отличием окончил военную школу. Его друг Володя Васков готовился поступать в военное училище, а Валере предстояло ещё целых два года учиться в техникуме. Он пошёл в горком ВЛКСМ просить, чтобы разрешили сдать экстерном экзамены за десятый класс. Городской отдел образования по просьбе горкома допустил настырного парня к экзаменам. Добрынин сдал все предметы блестяще и, получив аттестат о среднем образовании, побежал в военкомат проходить медкомиссию.

Председатель равнодушно огласил результат: «Не годен к строевой службе».

Валера держал в ослабевших руках белый билет. Земля качалась под ногами штормовым морем. В одно мгновение мечта стать военным стала несбыточной. Мир потерял краски, потускнел, стал чёрно-белой плёнкой.

В этот день его группа сдавала экзамен по истории КПСС. Добрынин пришёл в техникум, отыскал экзаменационный класс, одним из последних зашёл в аудиторию.

Преподаватель, маленького роста болезненно-худой отставной майор милиции, удивлённо произнёс.

– Я же вам автоматом поставил пять.

– Владимир Константинович, разрешите сдать с группой?

– Хорошо. Берите билет, – не стал вдаваться в полемику майор.

Преподаватель пристально посмотрел на студента, заметил опустошённое отчаяние в глазах, сел за стол и задумчиво потёр подбородок.

– Разрешите сдать без подготовки? – попросил Валера.

На вопросы он ответил монотонно-равнодушным голосом.

– Пять. Давайте зачётку, – оценил ответ Владимир Константинович.

– Разрешите ещё билет?

– Хорошо. Берите билет и идите готовьтесь. Не будем задерживать других.

Преподаватель принял экзамен у оставшихся студентов. Аудитория опустела. Владимир Константинович присел за парту к Добрынину, неожиданно обратился на «ты».

– Валера, теперь спокойно, подробно и с самого сначала расскажи, что произошло. На тебе лица нет.

Добрынин объяснил.

– Я тебя не узнаю. Горком комсомола и обком партии тебя знают: комиссар стройотряда, секретарь! Начальник военного училища и начальник группы профотбора тоже. Ты же в составе команды от училища первое место на всесоюзных соревнованиях военных школ занял. У тебя комсомольская

путёвка в училище! Дуй прямо к подполковнику Суразакову. Если он не поможет, иди к генералу Рябухе.

– Не получится, – попытался возразить Валера, но майор его прервал.

– Что значит «не получится»? Быть такого не может! Всегда есть исключение из правил. Экзамены экстерном зря, что ли, сдавал! Действуй!

Владимир Константинович ещё пять минут «накачивал» упавшего духом студента. Вместо прощального рукопожатия подбодрил Добрынина лёгким шлепком ладони по плечу.

Валера рванул в училище. На счастье, начальник группы профессионально-психологического отбора подполковник Суразаков оказался на месте. Валерий Ильич внимательно выслушал парня. На полчаса оставил одного в кабинете, сам направился к начальнику училища. Годом раньше генерал Рябуха обещал команде карбышевцев: в случае победы на всесоюзных соревнованиях – гарантирует поступление в любое военное училище страны. Несмотря на отрицательное заключение медицинской комиссии, генерал сдержал слово. Анатолий Иванович набрал номер областного военкома и попросил переделать заключение медиков.

Судьба парня решилась благодаря неравнодушным людям.

На следующий день, хоть это было не положено, удивлённому Добрынину вручили личное дело в областном военкомате, и он счастливый побежал относить его в училище.

Поверивший в свои силы Валера решил предложить дружбу понравившейся девушке. Окрылённый удачей, влетел в техникум, отыскал её группу, которая дежурила во втором корпусе.

– Людмила! Вы мне нравитесь! – отбирая швабру, выпалил Валера.

Людмила – большезлазая, нежнолика бойкая девушка, умевшая с милой веселостью переводить в непринужденный разговор любой напор и хамство, на этот раз растерялась.

– Ну и что? – ответила она смутившись.

– Я могу надеяться на взаимные чувства? – подавив испуг, прошептал он.

– Можете, – щёки девушки зарделись.

Он смотрел в её тёмно-карие глаза и не мог поверить в своё счастье. Не мог понять: как она, такая красивая, решилась вселить в него надежду на общее будущее?! Где-то в глубине подсознания тонкой пульсирующей ниточкой ещё жил страх.

Через месяц Добрынин был зачислен курсантом в военное училище и за всё время учёбы ни разу не надел очки, чтобы не подвести людей, поставивших ему «годен к военной службе».

Через два года, в девяносто первом, Валера и Людмила поженились. Два месяца минуло со дня свадьбы. Людмила в тяжёлом состоянии попала в реанимацию. Врачи спасли её, но ребенок, которого она носила, умер. Диагноз прозвучал смер-

тным приговором – бесплодие. Восемнадцатилетняя Людмила почернела, высохла. Валера с трудом узнал её, когда забирал из больницы.

– Родная моя, любимая, всё будет хорошо. Поверь, врачи тоже люди и могут ошибаться, – успокаивал жену Добрынин.

Людмила прижалась к мужу и вдруг выкрикнула с надрывом:

– Ты не понимаешь, что произошло! – и обречённо затихла, сжавшись в комок, словно ожидала удара.

– Я тебя люблю! И чтобы ни случилось – не брошу.

Поднял на руки невесомую жену. Отыскал в парке скамейку. Как ребёнка усадил на колени, и они долго сидели обнявшись. Она молчала, подавленная горем, а он шептал и шептал ей на ушко ласковые слова.

И всё же любимая превращалась в бездушную мумию, сгорала на его глазах. Добрынин метался в поисках выхода. Необходимо было срочно сменить обстановку, а до отпуска оставался целый месяц. Помогла родная сестра жены. Лариса, старшая из трёх сестёр, познакомила Валера с заведующей отделением областной больницы. Врач по-матерински пожалела молодожёнов, пошла на должностное преступление.

Валера талантливо симулировал обострение гастрита. Его направили в областную больницу, а заведующая отделением приняла «больного» на лечение. На следующий день Валера с Людмилой уже летели к родным в Новороссийск. Через месяц вернулись в Тюмень. Валера «выписался» из больницы и ушёл в очередной летний отпуск. И снова море, только теперь они поехали в Сочи.

Море, солнце, забота и любовь сотворили чудо. Людмила ожила, поправилась. Снова зазвучал звонким колокольчиком её голосок. Через восемь месяцев, день в день на годовщину свадьбы, она сделала любимому подарок. У молодых родился сын.

Выпуск

Начинался знойный день двадцатого июня тысяча девятьсот девяносто третьего года. Несколько дней Тюменское высшее военно-инженерное командное училище готовилось к долгожданному воскресенью – дню выпуска молодых лейтенантов в самостоятельный путь.

Валера проснулся с первыми лучами солнца. Жена и сын спали. Стараясь не шуметь, стал собираться. С каким-то остервенением доводил до зеркального блеска ещё с вечера начищенные туфли. Проглаживал по несколько раз стрелки на брюках, хотя и так о них можно было «порезаться». Покончив с приготовлениями, с трепетным благоговением надел лейтенантскую форму.

Родные проснулись, когда Валера разглядывал себя в зеркале. Женщины, скупившись у него за

спиной, любовались, охали и ахали в восторге. Почему-то своим восхищением стали раздражать, и он сердито рыкнул. Подействовало. Теперь к нему не приставали, а суетливо готовились к выходу в город.

Добрынины ехали в училище на такси. Город казался каким-то другим – празднично-необычным.

Солнце забиралось выше и выше, щедро одаривая горячими лучами улицы, дома, скверики и величаво несущую свои воды Туру. На контрольно-пропускном пункте училища случилось необычайное для раннего воскресного утра оживление. Сотни людей – служащих, родных, друзей и просто знакомых – живой рекой стекались к широко открытым воротам. Всем хотелось хотя бы одним глазком взглянуть на блестящих военных, на празднично одетых девушек.

Всюду шныряли ватаги всезнающей ребятни, с восхищением разглядывающей награды боевых офицеров. Мальчишек, собравшихся со всей округи, помимо случая поглазеть на военных и ползать по технике, привлекала возможность пожить воя во время «серебряного дождя». Ребяшня собирала «серебряные» монеты, которые во время прохождения торжественным маршем подбрасывали в воздух молодые лейтенанты.

Валера проводил Людмилу и родителей к гостевым трибунам, сам направился к месту сбора, то и дело отвечая на приветствия однокашников и знакомых. Он смотрел на родное училище – и словно видел его впервые. То, что было привычным и примелькавшимся за годы, вдруг удивило порядком и ухоженностью.

Второй батальон собирался под тенью липовой аллеи возле управления училища. Большинство выпускников, надевших лейтенантскую форму, пытались выглядеть солидней, шли вальжной походкой, по-мужски скупко здоровались. Некоторые суетились, возбуждённые предстоящим торжеством.

Добрынин пружинистой весёлой походкой пошёл к своему взводу, но вместо приветствий и поздравлений попал под перекрёстный огонь шуток. Первым подал голос Серёжка Соколовский.

– О, уже обрили!

– Валерка, тебя кто так оболванил почти налысо? – еле сдерживая смех, спросил Миша Подгорный.

– Да блин, вчера жена подравнивала, я дёрнулся, и она мне состригла лишку. Пришлось укорачивать везде, – оправдываясь, ответил Валера. – Только чуб остался.

В подтверждение он снял фуражку.

– Горшок! – раздалось в толпе.

Взвод заржал конским табуном. Добрынин в сердцах махнул рукой. Его спасла прозвучавшая команда.

Училище встречало входящих на плац, замерев в парадном строю. Под звуки марша военных инженеро-первой вплыла «коробка» управления.

Офицеры в парадной форме цвета морской волны шли осанисто, гордо расправив плечи, блистая на солнце наградами, полученными во Вьетнаме, Анголе, Алжире, Египте и Эфиопии. Многих опалил огонь Афганской войны. По их биографиям можно изучать географию планеты. Шёл цвет, шла гордость инженерных войск.

Наконец появились выпускники. На плечах – золото офицерских погон. Лейтенантские звёзды искрились на солнце бенгальскими огнями. И пусть на мундирах пока не было наград и знаков отличия, ребят украшали военная стать, молодость и яркий румянец волнения на щеках.

Второй взвод шестой роты двигался в центре колонны. Первое отделение, в котором чеканил шаг Добрынин, было правофланговым. На правофланговых гости смотрели в первую очередь.

От волнения Валера впал в состояние хмельного безрассудства, присущее молодым людям его возраста, уже успевшим достичь в жизни, по их разумению, чего-то весьма существенного и значительного. А как же иначе? Месяц назад ему исполнился двадцать один год. Больше двух лет женат, сынишке год и два месяца. Сейчас, через каких-нибудь несколько минут, зачитают приказ министра обороны, и он наконец-то будет произведён в офицеры! Щёки горели.

Всё, что было дальше, происходило словно в тумане. Кружащиеся под аккорды вальса пары, встречный марш оркестра, рапорт начальника училища генералу Рябухе – всё это промелькнуло в сознании Добрынина одним кадром.

Валера начал приходить в себя, когда в ответ на приветствие генерала две тысячи здоровых мужчин рявкнули воинское приветствие:

– Здра...жла...тов...генерал...майор!

Окончательно отрезвил ответ училища на поздравление Рябухи с выпуском.

– Ура! Ура! Ур-р-а-а-а! – эхо с готовностью повторило и размножило басовитый многоголосый клич, в который молодые лейтенанты вложили всю силу своей радости.

Добрынин затаив дыхание вслушивался в слова приказа министра обороны о присвоении званий. Боялся не услышать свою фамилию. А вдруг в приказе её нет? По чьей-то ошибке пропустили, забыли включить в приказ, да мало ли может возникнуть причин, по которым забывают о людях во время развала государства.

Он был не одинок в своих мыслях. Строй выпускников и гости притихли, тоже вслушиваясь в сухие казённые фразы.

И вот наконец прозвучало долгожданное:

– Добрынину Валерию... Подгорному Михаилу...

Лейтенант, печатая шаг, подошёл к столу перед трибуной. Волнение захлестнуло тело до самой макушки, ноги предательски задрожали. Добрынин вдохнул полной грудью, чтобы успокоиться, и на выдохе выпалил рапорт. Ему вручили диплом, знаки об

окончании училища и классности. Старшие офицеры жали руку, что-то говорили, а он улыбался в ответ и даже не запоминал тёплые напутственные слова.

Он вернулся в строй, открыл коробочку, любовался синим ромбиком с гербом СССР в центре, и только после этого напряжение спало. Пока выступали с речами почётные гости, лейтенанты шептались, обмениваясь планами на будущее.

Очередная команда заставила подтянуться уставших стоять долгую церемонию курсантов. Объявили минуту молчания. Металлически хищно звякнули затворы автоматов. Троекратный гулкий залп заставил всех вздрогнуть. Запахло порохом.

Стоящий впереди Виталия Кузин высказал:

– Провожают, словно на войну.

Добрынин вздрогнул оттого, что у него промелькнула такая же мысль. В недобром предчувствии тело напряглось, заныло сердце.

Все с нетерпением ждали прохождения торжественным маршем. Наконец училище пошло. Шестая рота приближалась к трибунам. Добрынин запустил руку в карман форменных брюк, выгреб горсть тёплых монет, приготовился подбросить. Над строем пронеслось звонкое:

– Счѐ-ѐ-т!

– И-и-и, раз! – рявкнула в ответ рота.

На мгновение взметнулись вверх руки. Лейтенанты подбросили монеты. Серебристые капли стремительно взлетели в безоблачную синь, сверкая на солнце. Отдалившись от земли, превратились в маленькие искорки и, устремившись вниз, осыпали лейтенантов.

Загорались новые командирские звёзды. Кто знает, какая из них потухнет первой, какая уйдёт тихо и незаметно, а какой суждено взорваться сверхновой звездой, оставив в памяти людей яркий след.

Училище второй раз маршировало мимо трибун. Только теперь каждая рота проходила с песней. Плац вздрагивал от замедленного, тяжёлого шага. Прошла пятая рота, затем к трибунам выдвинулась шестая. Добрынин начал первый куплет, запевалы подхватили, звонко раскладывая на два голоса:

– *Над полями необъятными, над речными перекатами,
Под разрывами гранатными песня-ласточка летит.*

Рота подхватила припев:

– *Россия, любимая моя! Родные берёзы, тополя!
Как дорога ты для солдата,
Родная русская земля!..*

Гости прослезилась, тронутые исполнением. Песня призывала, объединяла, клятвой взлетала над строем. Лейтенанты пели с чувством, вдохновенно. Никто не предполагал: слова этой песни совсем скоро станут для них пророческими.

Мы поём понравившиеся нам песни, порой не задумываясь над содержанием, так, под настроение. Повторяя слова вновь и вновь, свыкаемся с ними, и со временем, незаметно они становятся нашими мыслями.

Добрынину показалось в эти минуты, что за долгие четыре года учёбы (в итоге пролетевшие в одно мгновение) слова строевой песни стали такими привычными и родными, выстраданными в нелёгком солдатском труде, словно часть его собственной прожитой жизни. В памяти всплыли слова присяги, зазвучавшие в унисон с песней.

«*Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик... Я всегда готов... выступить на защиту моей Родины... как воин Вооружённых Сил, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни ... если же я нарушу... пусть меня постигнет суровая кара... всеобщая ненависть и презрение ... народа*».

В сознании Добрынина промелькнула стремительная мысль: «Уже не стало Советского Союза, но из его руин возродилась новая Россия. Я дал присягу не названию, я дал присягу родным, своему народу, своему Отечеству».

Внезапно он осознал: в это мгновенье песня стала его решением, его клятвой перед самим собой и перед людьми на гостевых трибунах. Он запел следующий куплет внезапно осевшим, идущим откуда-то из глубины груди голосом:

– *Всё, что дѣдами отстроено и отцами завоѣвано,
Мы, сыны твои и воины, поклянемся отстоять!*

Рота продолжила протяжно:

– *Россия, любимая моя! Родные берёзы, тополя!
Как дорога ты для солдата,
Родная русская земля!*

Смолкли песни, завершая торжество. Батальоны разошлись по казармам готовиться кто в наряд, кто в увольнение. Выпускники остались на плацу. С трибун к лейтенантам хлынула волна родственники открываемых бутылок шампанского. Многоголо-со грянуло: «Ур-ра-а-а!» Счастливые выпускники дружно подбросили в воздух фуражки. Строй рассыпался. Все обнимались, целовались, поздравляя друг друга с долгожданным событием.

Валера, следуя примеру однокашников, достал из коробочки заветный ромбик, бережно опустил его в каску, наполненную до краёв водкой. Каску пустили по кругу обмывать знаки.

Добрынин лихо сдвинул на затылок фуражку, обнажив не по-уставному отросший кудрявый чуб. На муже сразу повисла Людмила, наградила долгим горячим поцелуем. Отец обнял сына, прослезился, а мама стояла в сторонке с трясущимися руками и всё время оглядывалась, как будто кого-то искала. Добрынин вздохнул, отвёл взгляд в сторону, в груди снова заныло. Друзья толкнули в плечо.

– Чего загрустил? Давай за будущее намахнём. Шампанское, смешавшееся с добрым глотком водки, выпитой из каски, прибавило красок и приподняло настроение. Валера с непривычки быстро захмелел. Спиртное ударило в голову и напрочь вынесло всякие сомнения и переживания.

Отправив родителей домой, жену – готовиться к банкету в ресторане, на радостях решил сфотографироваться на память с генералом Рябухой и отправился искать его. Добрынина перехватили друзья – Володя Васков и Сергей Соколов.

Сергей, придержав за локоть Валеру, стал пытываться.

– Ты куда намылился?

– Нам же предписания ещё получить надо, – добавил Володя.

– Так ведь через два часа назначено прибыть, – попытался увильнуть от прямого ответа Валера.

– Колись, куда лыжню топчешь? – настаивал Соколов.

– Серый, ты уже не командир отделения! – парировал Добрынин.

– Значит, четыре года дружбы не в счёт? – перебил друга шутливо возмущённый Сергей.

– Он, как всегда, что-то задумал и от друзей скрыть хочет, – вставил Володя.

– Друзья? Володька, а ты помнишь, как на первом курсе единственную шоколадную конфету у меня на глазах один съел и не поделился! Сокол не знал тогда, а то... Ладно, хватит нагнетать. Я с Рябухой хочу сфотографироваться.

Сергей присвистнул от удивления и переглянулся с Володькой.

– Кто тебя пустит?

– А я его племянник! – не краснея соврал Добрынин.

Повисла пауза, друзья недоверчиво посмотрели на Валеру.

– Ты же четыре года с нами... Молчал! Врёшь!

– Не верите? Сокол, а кто тебя при поступлении на мандатной комиссии из пятьдесят второго «мазутного» отделения в шестьдесят второе сапёрное перетащил? Я же Рябуху попросил, забыл? Пошли вместе.

Добрынин решил разыграть товарищей, пользуясь тем, что был знаком с генералом ещё до училища.

Отыскать место, где собралось на банкет командование, не составило труда. Васков и Соколов

остались у дверей, а Добрынин решительно вошёл в зал.

За столом расположились начальники кафедр, командиры батальонов и два генерала – Польников и Рябуха. Десятки пар удивлённых глаз уставились на лейтенанта, неизвестно каким путём пробравшегося на банкет. Валерий отчеканил шаг, оставившись перед Рябухой, вскинул руку к козырьку фуражки.

– Товарищ генерал-майор, разрешите с вами сфотографироваться на память.

Анатолий Иванович встал, поднял рюмку. За столом все притихли.

– Товарищи офицеры, предлагаю выпить за тех, без кого немыслима армия, кто выносит на себе тяжкий труд с потом и кровью, кому мы обязаны своей судьбой и звёздами – за солдат!

Добрынину уже кто-то сунул в руку стопку. Генерал подошёл к нему. Хрустально дзинкнули бокалы. Выпили.

– Пойдём, сынок, на улицу. Не будем полковникам мешать праздновать.

Васков и Соколов, увидев Рябуху, вытянулись в струнку. Генерал улыбнулся, пожал им руки, поздравил с выпуском. Сфотографировались.

Друзья шли в расположение роты удивлённые и гордые оттого, что боевой генерал не отмахнулся и сфотографировался с ними.

– Валер, ты правда племянник? – не мог поверить Сергей.

– А то... Да пошутил я, ребята, – признался Валера.

Навстречу им попался курсант-третьекурсник. Он перешёл на строевой шаг ещё метров за пять и с красивой отточенной лёгкостью отдал лейтенантам воинское приветствие. Добрынин ответил, жестом попросил курсанта остановиться. По традиции первому солдату, откозырявшему новоиспечённому лейтенанту, дарили рубль. Валера достал приготовленный заранее бумажный рубль, написал на нём: «Молодому курсанту от старого лейтенанта. 20.06.1993 г.». Подписался и протянул парню.

– Держи на пряники. Как звать-величать?

– Корневский Андрей. Спасибо, товарищ лейтенант! Я сохранию на память.

– Да брось, было бы что хранить.

Они расстались, не ведая, что через год судьба сведёт их вместе на войне. А этот, ещё советский бумажный рубль с подписью Добрынина, мама Андрея будет бережно хранить в фотоальбоме сына как реликвию, как память.

Июнь 2018 – май 2020

о. Котельный – г. Тюмень